

Глава 4 Когда не по карману даже пирожки с мясом

Чу Цы и охотник успели обменяться лишь парой слов, когда с горы спустились ещё несколько человек.

— Сюцай Чу, братец Цинь, вы что же, знакомы? — заговорил один из подошедших.

Это был глава деревни Чанси. С добродушной улыбкой старик оглядел тушу огромного кабана и даже слегка пнул её носком сапога.

— Мы не знакомы, — ответил Чу Цы. — Просто, когда этого вепря погнали с горы, он внезапно бросился на меня. Если бы не помощь этого доброго человека, мне бы не поздоровилось.

— Ох, это всё моя оплошность! — Староста сокрушённо хлопнул себя по лбу. — Мы ведь позвали братца Циня и наших старых охотников, чтобы известить этих тварей. Совсем вылетело из головы предупредить тебя, что сегодня из деревни этим путём лучше не выходить.

Юноша прекрасно понимал: чиновник говорит так учтиво лишь из уважения к его статусу. Будь на его месте обычный крестьянин, тот бы уже всюю распекал его за неосторожность.

— Не вините себя, почтенный, я и сам не придавал значения слухам. Но раз уж зверя забили, теперь-то путь свободен?

— Ну, как сказать... — Глава деревни всё ещё колебался. — Боязно, вдруг по лесу бродят другие. Мы хоть и завалили уже четверых, но мало ли...

— Я провожу сюцай Чу, — внезапно подал голос Цинь Чжао. — Раз уж это я выгнал зверя прямо на него, то в искупление вины оберегу его в пути. Крупных секачей в округе почти не осталось, а с мелюзгой вы и без меня справитесь.

— Вот и славно! Сюцай Чу, пусть братец Цинь тебя и сопроводит, — обрадовался старик, явно опасаясь, как бы с единственным на всю округу учёным чего не вышло.

Чу Цы, немного поразмыслив, кивнул. Соседство опытного охотника придавало уверенности.

Они зашагали бок о бок.

— Могу ли я узнать твоё полное имя, братец? — вежливо поинтересовался Чу Цы.

Охотник усмехнулся:

— Да какое там «имя», зовут меня Цинь Чжао. А тебя, сюцай?

— Моё имя Чу Цы. Откуда ты родом?

— Из деревни Цюйтань. Это если от вас идти в сторону тракта вёрст пять, а потом свернуть. По горам-то ближе выйдет, а по дороге — крюк.

— А, так вот где это. Слышал, места там славные.

— Куда нам до вас! Жителям деревни Чанси завидует вся округа в радиусе десяти ли.

— Вот как?

Чу Цы удивился и принялся лихорадочно копаться в памяти. Насколько он знал, его родные места ничем особенным не славились.

— Так из-за тебя же! В уезде Юаньшань каждый знает: в Чанси объявился четырнадцатилетний сюцай. Если бы не счастливое расположение могил предков да не благоволение небес, разве случилось бы такое чудо?

Понимая, в чём дело, юноша почувствовал лёгкий укол смущения. В прошлой жизни, когда он поступил в Пекинский университет, все вокруг лишь пожимали плечами — мол, так и должно быть. Тогда он даже немного расстроился из-за отсутствия восторгов.

Цинь Чжао оказался на редкость приятным собеседником. За эту прогулку учёный наговорил больше, чем за все две недели пребывания в этом мире. Пользуясь случаем, он осторожно, обиняками, выспрашивал спутника о вещах, которые для прежнего владельца тела были «белыми пятнами» в знаниях.

За разговорами они и не заметили, как показались городские стены.

На воротах красовались три крупных иероглифа: «Городок Пинъань». Чу Цы, будучи специалистом по древнекитайскому, не считал умение читать традиционное письмо поводом для хвастовства, но вид старинной кладки его впечатлил.

Ворота Пинъаня были меньше уездных, по бокам замерли яча с копьями.

«Будь здесь мои родители-учёные, они бы от восторга сознание потеряли»

Глядя на эти серые камни, Чу Цы невольно улыбнулся. При этой мысли на душе стало тоскливо. Как ни старайся, а тоска по дому не отпускала. Пусть в их семье и не принято было

бурно проявлять чувства, они всё же оставались родными людьми.

«Хорошо бы мы с прежним Чу Цы просто поменялись телами. Тогда родителям не пришлось бы горевать о сыне...»

Чу Цы вздохнул. Впрочем, пустые мечтания делу не помогут. Сейчас важнее всего было позаботиться о новой семье. Раз уж он занял чужую оболочку, пусть и не по своей воле, придётся нести ответственность.

Цинь Чжао не догадывался о печали спутника. Увидев его озабоченное лицо, он решил, что Сюцай всё ещё переживает из-за того ложного доноса, и легонько потянул его за рукав:

— Сюцай Чу, мы пришли. Пойдём внутрь.

Люди чинно стояли в очереди. Яча лишь лениво оглядывали входящих и пропускали их без задержек.

Раньше за вход в город брали по одной медной монете, но уездный начальник, назначенный в прошлом году, первым делом отменил этот побор. Тогда мелкие чиновники были крайне недовольны, лишившись «кормления». Однако вскоре поток людей вырос, торговля пошла бойчее, и доходы лавочников подскочили. Уездный начальник мудро выделил полпроцента от торгового налога на нужды управы, чем мигом заткнул недовольные рты и прочно утвердил свою власть в Юаньшани.

В городке Пинъань, под началом которого находилось несколько крупных и десятков мелких деревень, жизнь кипела. Конечно, со столицей уезда его было не сравнить, но и захолустьем он не казался.

Оказавшись внутри, Чу Цы с живейшим интересом принялся разглядывать постройки. Верно говорят: лучше один раз увидеть. Никакие гравюры не могли передать той мощи и реализма, что открывались взору. В этот миг юноша окончательно почувствовал, как нити, связывавшие его с современностью, истончаются, превращая его в человека ушедшей эпохи.

Стояла осень, время урожая. Крестьяне, пришедшие на базар, несли в корзинах зерно или лесные плоды.

— Сюцай Чу, здесь я тебя оставляю, мне нужно заглянуть в одно место. Да, кстати, на обратном пути уже сможешь идти по большой дороге — к тому времени охоту закончат.

— Благодарю тебя, брат Цинь.

— Пустяки, — охотник небрежно махнул рукой и скрылся в толпе.

«Какая искренность в людях древности!»

Растрогался Чу Цы. В его прежнем мире даже школьники порой бывали искушёнными циниками. Он покачал головой, сетуя на упадок нравов в будущем, и пошёл дальше.

Лавки уже открылись. Перед каждой висел длинный матерчатый стяг с названием заведения и перечнем товаров.

Проходя мимо лотка с баоцзы, Чу Цы замер, почуяв дивный аромат. Запах свинины с луком, томящихся в тесте на пару, заставил его — человека, который уже полмесяца не видел мяса, — едва не захлебнуться слюной.

Он нащупал кошелёк. Там, кроме двух мешочков серебра от невестки, лежало два десятка медных монет.

— Хозяин, почём пирожки?

— Почтенный гость, пара штук — за три монеты! Пышные, кожица тонкая, откусишь — и сок брызнет. Одно удовольствие! Сколько прикажете положить?

Владелец лавки, завидев на госте длинный халат учёного, решил, что тот при деньгах, и рассыпался в любезностях.

Чу Цы снова сжал в руке кошелёк и со вздохом произнёс:

— Знаешь, в последнее время желудок не принимает ничего жирного. А в твоих баоцзы, верно, масла в избытке... Пожалуй, воздержусь.

Он развернулся, едва не плача в душе.

«Надо же, переродиться — и не иметь возможности купить даже пирожок с мясом! Вот уж действительно падение уровня жизни»

— Пойдите, господин, не уходите! Если мясные кажутся слишком жирными, у нас есть с лесной зеленью. Лёгкие, ароматные — за две штуки всего одну монету прошу!

— Дай-ка пару на пробу, — юноша мгновенно обернулся и протянул медяк.

Торговец ловко подцепил бамбуковыми щипцами выпечку и завернул её в промасленную бумагу.

Поблагодарив, Чу Цы поспешил прочь. Торговец же, глядя ему в спину, озадаченно чесал в затылке.

«Так он беден или просто прихотлив?»

Чу Цы нашёл укромный переулок и принялся за еду. Как нынешний сюцай и бывший учитель, он свято берёг достоинство книжника и не позволял себе есть на ходу, если только голод не становился совсем уж нестерпимым.

Когда два пирожка исчезли в его желудке, мир вокруг показался чуточку светлее. На самом деле не так важны изыски, как мастерство повара. В его прошлой жизни возле каждой школы было полно палаток с завтраками, но всё там отдавало химией и ароматизаторами. Куда им до этого простого лакомства с дикой зеленью — чистого, натурального продукта!

Вытерев губы платком, он тщательно оправил одежду и вышел на главную улицу. Его статная фигура и благородная осанка заставляли прохожих женщин невольно оборачиваться ему вслед.

Чу Цы читал немало романов о «попаданцах» из низов и помнил множество способов разбогатеть. Имея образование и статус, он рассчитывал найти какое-нибудь состязание учёных, чтобы выиграть денег и поправить дела семьи.

Однако, обойдя добрую половину городка, он понял: здесь нет места для встреч литераторов, а значит, и таланты свои применить негде.

«Как неосмотрительно с моей стороны, — корил он себя. — Это же маленький городок, откуда здесь взяться кружкам каллиграфов и поэтов?»

Честно говоря, даже в уездном центре их было немного. Судя по самому Чу Цы, уровень образования в этих краях был невысок. Сюцаев — раз-два и обчёлся, а цзюйжэни рождались раз в несколько лет. Кому тут устраивать изысканные пиршества с состязаниями в рифмах?

Возвращаться с пустыми руками было неловко. Он уходил из дома, полный решимости изменить жизнь близких к лучшему, а в итоге просто бесцельно нарезал круги по рынку.

Его метания не укрылись от взгляда одного человека.

— Послушай, юноша, подойди-ка сюда.

Чу Цы услышал, что зовут именно его, и неспешно приблизился.

— Чем могу быть полезен вам, почтенный?

К нему обращался старик в халате учёного. На вид ему было лет шестьдесят. Перед ним стоял столик, над которым висела вывеска: «Услуги писца».

— Вижу, ты ходишь туда-сюда, словно ищешь что-то. Уж не стряслось ли чего?

— Увы, — вздохнул Чу Цы. — Нужда заставляет искать хоть какую-то службу, чтобы прокормить домашних. Не сочтите за дерзость.

— По речи твоей вижу — грамоте обучен. Писать-то умеешь?

— Умею.

— Вот и славно. Выручи старика, присмотри за моим местом. Жена весть прислала — дома срочно нужен. Я здесь каждый день сижу, люди привыкли, боюсь подвести кого-нибудь своим уходом. Заплати мне двадцать монет за бумагу и тушь, и всё, что сегодня заработаешь — твоё. Вечером придут люди и заберут стол.

Чу Цы на мгновение задумался и согласился. Он отсчитал двадцать монет и протянул их старику.

— Благодарю вас. Могу ли я узнать ваше имя?

— К чему церемонии. Зовут меня Чэнь Сюй, а в народе кличут просто дядюшкой Чэнем.

— Приятно познакомиться, дядюшка Чэнь. Я — Чу Цы.

— Чу Цы? Тот самый юный гений из Чанси, что в четырнадцать лет взял степень сюцай?

— Он самый... Стыдно мне, что в таком положении оказался.

— Тебе-то стыдно? — рассмеялся Чэнь Сюй. — Тогда мне и вовсе в землю провалиться впору! Я-то свой диплом лишь к пятидесяти годам выстрадал. Воистину, молодёжь нынче хваткая. Выходит, мы с тобой тун-няни, из одного выпуска!

Старик весело подмигнул, явно гордясь таким знакомством.

Чу Цы проникся к Чэнь Сюю искренней симпатией. Сюцай, лишённый чванства и сохранивший широту души, — редкая находка. Жаль было расставаться так быстро: из-за внезапных дел дядюшки побеседовать как следует не удалось бы.

<http://bllate.org/book/15354/1412586>